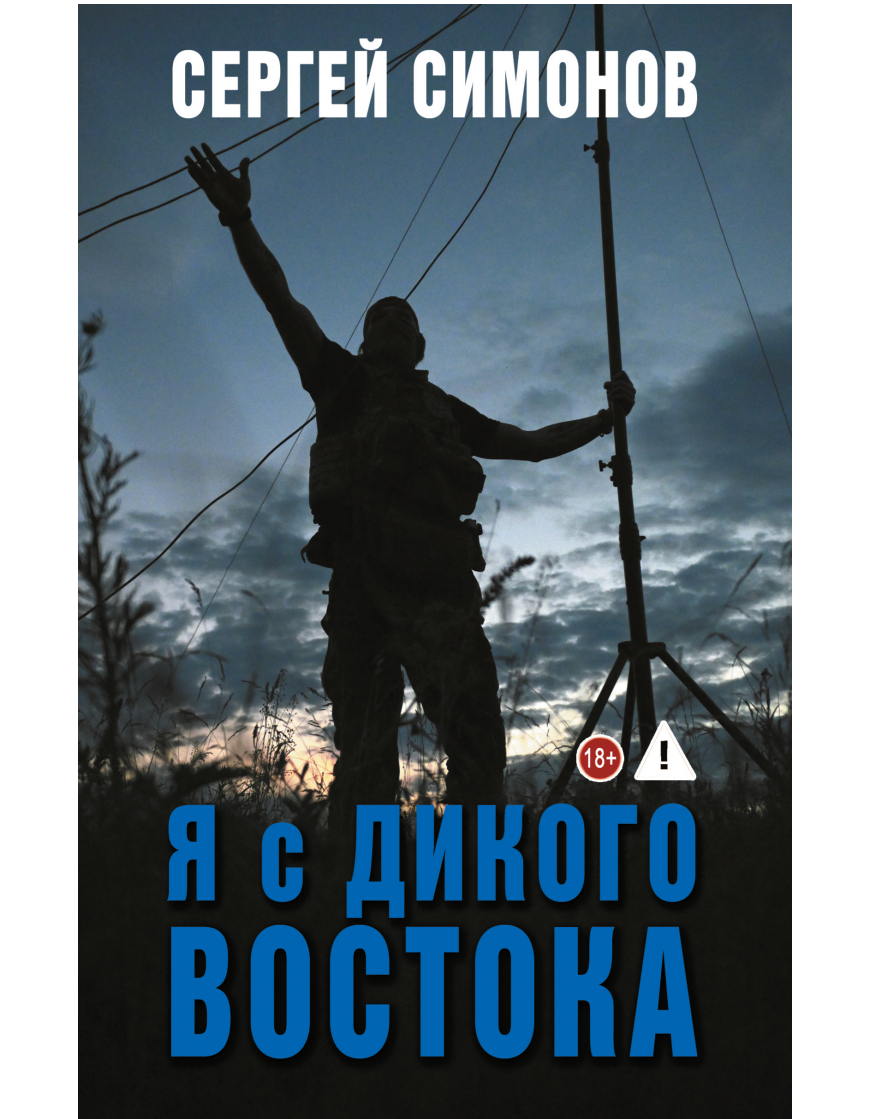

A silhouette of a person in tactical gear stands on a radio tower, reaching up with one hand. The background is a dramatic sky with clouds and a low sun. The person is holding onto the tower structure with their other hand.

СЕРГЕЙ СИМОНОВ

18+

**Я С ДИКОГО
ВОСТОКА**

Сергей Вячеславович Симонов

Я с Дикого Востока

Серия «Время Z»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74611426

Сергей Вячеславович Симонов "Я с Дикого Востока".

Автобиографический роман: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2026

ISBN 978-5-17-181790-9

Аннотация

Семья Сергея Симонова эмигрировала в Германию в конце девяностых годов. Там подросток из благополучной среды оказывается в роли гопника и «недочеловека». Драки, кражи и, возможно, даже убийство. Казалось бы, нужно «просто» отказаться от этой незавидной участи. Но как? Вернуться в Россию?

С тех пор и Россия, и Германия изменились до неузнаваемости. Окончательно вернуться на родину автору предстояло в совсем другое время – в период войны, потрясений и вражды, с каждым днём усиливающейся в Европе.

Как выглядит «антироссийское безумие» в Германии изнутри и что заставляет человека оставить Евросоюз позади? Это честный рассказ о внешних событиях и глубоких внутренних переживаниях репатрианта.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Унтерменш	6
Часть I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Симонов

Я с Дикого Востока

Автобиографический роман

Дизайн обложки Владимира Ноздрина.

При оформлении издания использованы фотоматериалы
РИА Новости (Евгения Биятова).

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

© Сергей Симонов, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

«Недочеловек – это биологическое существо, созданное природой, имеющее руки, ноги, подобие мозга, с глазами и ртом. Тем не менее это ужасное существо является человеком лишь частично. Оно носит черты лица подобные человеческим – однако духовно и психологически недочеловек стоит ниже, чем любое животное. Внутри этого существа – хаос диких, необузданных страстей: безымянная потребность разрушать, самые примитивные

желания и неприкрытая подлость».
Гиммлер, 1942

Унтерменш

Часть I

Серёжа сидел на газонном ограждении возле аккуратных гаражей у ровной пешеходной дорожки в городе Дюссельдорфе. Городе с одним из самых высоких уровней жизни в Европе. Рядом с гаражами стояли ухоженные белые дома, в которых жили бургеры со своими семьями. Наверное, на их каминах стояли фотографии дедов и прадедов, проживших свою жизнь в этом же городе, может быть, родившихся в тридцати-сорока километрах отсюда.

Серёжа сплюнул и принялся стучать по кованому ограждению палкой. Когда придет Армян? Мимо проходили местные пенсионеры и отводили взгляд. «Откуда появились здесь эти уроды? Одетые хуже бомжей, даже в Красном кресте таких вещей не раздают. Наши наркоманы с привокзальной площади, и те куда нормальнее».

Так для кого, вы думаете, старые гансы, я нацепил на себя этот кислотный адидасовский костюм? Чтобы баб в нем кадрировать? Я надел его, чтобы вы, уберменши, отводили взгляд. Проходите мимо. Extra для вас! – выгляжу так, словно меня вам уже не спасти.

Я помню, как учитель по истории пытался учить меня жизни. Sergej, почему вы пропустили в этом году так много занятий? Sergej, история всегда была вашим любимым предметом.

Да мне насрать, что ты думаешь. Вот я смотрю, ты уже не пытаешься втирать мне свои истины. С тех пор, как ко мне в школу начали приходить русаки наши – в спортивных костюмах, а не в модных толстовках и с гелем в волосах. Списал меня со счетов, видать. Мол, я скорешился со своими соплеменниками из «главной школы». У нас же тут гимназия, у нас тут дети из бюргерских домов с участками. Ты мог дружить с нормальными местными ребятами, но сошелся с детьми этих козлов понаехавших. Да не смогут они интегрироваться, понимаешь? Так и будут пахать на заводах, как их собратья из Турции и Марокко. Тебе это надо? Вкалывать на нас с выходцами из Казахстана и Турции?

А мне насрать, что он думает. Что ты предлагаешь мне, учитель? Играть два раза в неделю в футбол с Thomas и Markus? Обсуждать бундеслигу и одноклассника Павла из Польши, который ведет себя, как придурок? «Павел такой тормоз».

«Вот ты, Sergej, нормальный, я вообще не могу представить, что ты три года назад не говорил ни слова по-немецки.

Вот как, Sergej, такое может быть? Ты приехал три года назад из России и дружишь с нами, играешь с нами в футбол, GTA. А посмотри на турок. Они живут тут уже второе поколение. Если не четвертое. Да, если не четвертое. А ведут себя как ушлёпки с марса».

«Да, Thomas, мне тоже это непонятно».

Да всё мне понятно, учитель. ВСЁ. Хочешь, я расскажу тебе, как я пошел в школу, в эту гимназию, когда мы только переехали в Германию? Да ты и так знаешь. Как дети из ухоженных домов подкладывали мне тамагочи в портфель и говорили, что «русский нас обворовал»? А классный руководитель вызывал моих родителей. Пытался ли он разобраться, увёл ли я их тамагочи или же все эти тамагочи, дебилские компьютерные игры мне никогда не были нужны? Потому что я никогда не играл с этими пидорскими игрушками. Никогда. Нет, он не пытался разобраться. Это Sergej, из нищей России, еле выучивший Guten Tag и Auf Wiedersehen. Он украл, да. Ему не по себе, что у всех его одноклассников дома компьютеры, их родители живут в отдельных домах с садами. Он позавидовал, это естественное чувство, но воровать нехорошо. Вы понимаете?

Thomas и David на каждой перемене орали мне вслед: «Дерьмовый русский». Хамону они кричали «дерьмовый иранец», пока тот не избил Thomas до крови. За это Хамона погнали из гимназии – чурка не должен избивать детей из домов с участками. А я молчал. Я остался в гимназии и

подружился с Markus и Thomas (Thomas № 2). И обсуждал с ними после школы одноклассников – Павла, Хамона, которого вышвырнули.

– Ну, он реально перегнул палку. Все-таки надо уметь себя контролировать, я никогда еще не видел такой драки. Хотя этот Thomas и козел, конечно, – сказал Thomas.

Да, драк у нас в школе практически не было. Дрались, в основном, в «главной школе», где учились почти одни русаки и чурки. Вот и Хамон теперь там, дерется, наверное, часто.

«Sergej, у тебя когда-нибудь была девушка?» – спрашивает Markus. Ты знаешь, Markus, пока вы тут играли в компьютерные игры и тайком мечтали подрочить на родительское порно, я уже сосался с девочками в московских дворах. Когда мне было одиннадцать. У меня была любовь – Света, мы играли с ней в «насилки» дома у моей бабушки – я должен был засунуть ей в рот язык, а Света как бы сопротивлялась. Мы целый день проводили во дворе, мы были вместе, мы дрались, влюблялись и учились человеческим взаимоотношениям. Да-да, Markus, мы влюблялись и любили. Когда нам было по одиннадцать лет. Мы курили с Саней тайком на гаражах, потом Саня и его друзья избивали меня, потому что Санин друг считал меня недостойным. Я бесчисленные вечера подряд пропадал во дворах со Светой и ее подругой Ксюшей – Ксюше я нравился, но мне нравилась Света. Во дворе мы часто играли в футбол, Markus, но помимо футбола мы иг-

рали еще в десяток других игр каждый божий день. Потому что вместе мы проводили с двух часов дня до одиннадцати вечера. Не веришь, Markus? Сколько времени ты проводишь со своими друзьями? Четыре часа в неделю?

А тогда, в одиннадцать лет, моя жизнь была в десятки, в сотни раз интенсивнее, чем сейчас. И да, Markus, у меня уже была девушка – в то время, в том возрасте, когда ты даже не трогал еще свой член. И буря эмоций, неподдельные страсти были, дружба, любовь. Всё это было. И закончилось в феврале девяносто седьмого, когда я переехал к вам, в Германию, Markus. Когда меня вырвали из России и привезли в вашу страну, ненавистную, гнидную Германию.

– Sergej, так у тебя когда-нибудь была девушка? – спрашивает Markus.

– Ты знаешь, Markus, я недавно познакомился с Dorothea из Дерендорфа. Она наполовину мексиканка. Мы с ней целовались.

– Ничего себе. Она красивая?

* * *

– Что, Серёга, давно тут зависаешь?
Армян.

– Да, час уже тут хернёй страдаю. Гансы проходили старые, уставились на меня, короче. А я палкой долблю по железяке, они втопили.

С Markus и Thomas я подружился недолго. Мы с матерью переехали в другой район, где жили практически одни выходцы из бывшего Союза и Румынии. Еще там жили асоциальные немцы, так называемые Asi. Сравнительно молодые, с четырьмя и пятью детьми, хотя в среднем немцы рожают в лучшем случае одного-двух к сорока годам. Всё должно быть продумано и вовремя. Сначала учеба, университет, потом карьера, а потом – и семья с детьми. Правильное западноевропейское взросление. Сейчас меня вырвет.

Я уже давно заметил этих ребят, непохожих на моих одноклассников из гимназии. Да я их знал прекрасно, я помнил Москву девяностых, только что закончившихся. Миллениум на Красной площади, недолгие минуты счастья в родной Москве, чтобы через неделю опять улететь туда, откуда я так мечтал сбежать. «Я устал, я ухожу». Они вели себя как русские, как лысый Саня из моего двора на Анадырском в девяносто седьмом. Они вели себя так посреди этих вылизанных улиц, посреди германского благополучия девяностых, когда в Германии еще не начали сокращать пособия по безработице и на довольном Западе еще не воевали с международным терроризмом.

Как же это штырило. Markus с гелем в волосах, играющий в компьютерные игры, еще недавно с тамагочи на шее (как последний пидарас!). Я пытаюсь смириться, сдружиться с теми, кого бы немедленно променял на возможность еще раз прожить то лето девяносто шестого или девяносто седьмого

на Анадырском, со своими московскими друзьями. Со Светой, с Ксюшей. Хотя бы одно лето.

И вот — они. Которые, казалось, жили здесь, в этой чудовищной Германии, так же, как жили несколько лет назад в Казахстане, Москве, Петербурге или Новосибирске. Никаких реверансов в сторону «новой родины», никаких компромиссов, «интеграции в общество». Я искал близости с их компанией.

Наворачивал круги вокруг детской площадки, где они каждый вечер собирались. По пять раз на дню выносил мусор, чтобы их случайно встретить. Конечно, они меня заметили. Как-то один из них подозвал к себе, я только выбросил очередную порцию мусора. Макс.

— Как тебя звать? Сергей? Вон его тоже Сергей звать. Приходи сегодня на Spielplatz. Косяки куришь? Вообще не куришь? Ну, давай курнём, у меня деньги есть.

Макс зарабатывал на карманные расходы разноской рекламных газет. Мы часто ему в этом помогали, но чаще сваливали большую часть тиража в канаву у железной дороги. У этой канавы, взобравшись на семафор, мы и раскурили мой первый косяк. Сидели на семафоре, в нашу сторону ехали поезда, и было ощущение, что поезд сейчас влетит прямо в нас. Невероятно страшно. Искренние эмоции.

Понимаешь, мать? Искренние эмоции. Ты всегда хотела для меня только лучшего. В Москве в девяносто шестом отменили несколько предметов в школе, – некому было преподавать. Нищенские зарплаты учителей доводили их до ручки, и некоторые забили на педагогику. Кто куда. А ты снова решила, что надо ехать в Германию. «Нельзя лишать ребенка образования и будущего». В девяносто первом мы уже переезжали на полгода в Дюссельдорф, жили в бараках из железных листов, убогое жилище. Как фавелы из фильмов про третий мир. И жили мы (родители – вчерашние инженеры, кооператоры, педагоги, сплошь образованные советские люди) вместе с нигерийцами, албанцами и марокканцами, которые, наверное, на родине никогда не посещали школу. Вот так оно, поколение моих родителей, верило в священный Запад. Так верило, что готово было делить барачную общагу с беженцами из самых убогих углов земли. Албанец назад не вернулся. Мать сказала в девяносто первом, что мы здесь жить будем, и увезла меня назад в Москву.

В девяносто седьмом опять. Въехали по *Fremdenpass*, дословно – «паспорт чужого», или «негражданина», который позже ввели прибалты для русскоговорящих. Германские власти его нам выдали еще в прошлый приезд. Оказалось, эти «паспорта негров» в ФРГ отменили, и они уже были

недействительными. Отец этого не знал. Их можно было бы поменять на новые документы, если бы тогда мы не вернулись обратно в Москву, что было запрещено. Беженцам нельзя уезжать обратно на родину, иначе какие же это беженцы? Так что нас с матерью посадили в каталажку при аэропорте для нелегально въехавших, вместе с неграми буквально. На следующий день депортировали в Россию.

Но мама не сдалась, она твердо решила эмигрировать. Бороться за мое светлое будущее. Въехали повторно, теперь уже осознанно нелегально, на туристическом автобусе. И просто остались у друга отца, вновь подали документы на получение статуса беженцев.

Отец, ты знал, что этот твой друг трахал мою мать тогда в этом доме, в котором мы жили?

Мать, ты знаешь, ради чего все это было, все эти годы в Германии? Нет?

* * *

– Салам, пацаны.

Рыжий. Видишь, сидим на перилах, как обычно. Как каждый вечер. Собираемся вместе, в кепках «хулиган». Вокруг благополучный Запад и аккуратные вымощенные дорожки. Благими намерениями вымощена дорога в ад. Вокруг сверстники-немцы в рубашках поло, немцы в рэпперских толстовках с капюшонами. Так, как мы, не одевается

никто. Не выглядит никто. Нас от этого прёт.

Пойдемте к Люде, пацаны. У Люды мы прогуливаем школу. Старая немецкая алкоголичка лет пятидесяти, живущая в соседнем доме. Макс давал ей в рот, она пекла для нас булочки и дарила мне шоколадки. Она была в меня влюблена. Я ей в рот не давал, мы курили у нее дома из ведра, потом она сидела на низенькой табуретке-подставке для ног и дурашливо хихикала. Мы плевались в нее испеченными ею булочками, драчили на ее шубу. До нас у Люды зависали поляки-наркоманы, те ширялись, а однажды разгромили всю хату, побили стекла. С тех пор она предпочитала полякам нашу компанию, русаков по тринадцать-четырнадцать лет. Мы бухали у нее дешевое пиво и курили, да. Lydia. Я до сих пор помню ее фамилию.

Рыжий был из казахстанского колхоза. До приезда в Германию он скакал с односельчанами на лошадях по степи. Рыжий едва ли выезжал из своих сельских мест. Он смешно коверкал русские слова. «Побройся». «Заместо». Тут он ходил в «главную школу» вместе с Олежкой – Щеглом. Олег Лисицын, родом из-под Алма-Аты, при переезде в Германию знавший на немецком, может быть, несколько фраз. Приехал с родителями как «этнический немец».

Мой отец попал в Германию еще в восемьдесят девятом – закупал компьютеры в ФРГ и Польше, чтобы в Союзе их перепродавать. Позже машины гнал из Германии, ширпотреб из Китая, открывал и закрывал фирмы в Москве. Зараба-

тывал по меркам тех лет баснословные деньги. Перевозил купюры с собой в спортивной сумке, пару раз его чуть не грохнули. Летал за вещами в Сингапур, поработал на заводе в Австралии, вкладывал заработанные «импорт-экспортом» деньги в зарождающиеся бизнесы московских товарищей. В девяностом в западную Германию приехал «по работе», прознал, что, вступив в еврейскую общину, можно сделаться евреем и получить вид на жительство. За небольшую взяточку получил у советского райчиновника новое свидетельство о рождении, в графе «национальность матери» – «еврейка». Всё официально, с советскими печатями, серпом и молотом. «Тогда чечены приезжали, и в евреев превращались, представляешь?»

Но сам папа в Германии жить не собирался. «Какая Германия», – сказал он мне недавно, когда в Союзе бабло тогда валялось под ногами? Просто отец, как и многие тогдашние нэпманы, – не верил, что период экономической вольности продлится долго. Все они были уверены, что вскоре вновь придет Контора и закрутит гайки. И тогда можно будет «высадиться» в Германии. Как говорится, «запасной аэродром». Но это для него, а нам с мамой – лучше сразу перебраться на Запад. Ради Светлого Будущего.

* * *

И вот, мы в бараке в девяносто первом. Notwohnung – в

соответствии с германскими порядками, первое пристанище для всех беженцев и мигрантов, въехавших в ФРГ. От немецкого Not – «нужда», «крайность», «беда». В общем, да. Была одна дама в бараке, откуда-то с Украины. Она очень хотела сэкономить деньги во время проживания тут, чтобы потом, уже в своей съемной квартире, купить себе *«новую мебельную garnитуру»*. Закупала собачьи консервы, они дешевле были, и жрала. Готовила их, и вонь от этого дерьма стояла на весь барак. Была другая. Под пятьдесят, по-немецки не говорила, конечно. Но нашла себе какого-то местного алкаша, переселилась к нему. А свою комнату в бараке использовала как кладовку. Набила ее до отказа разным хламом, принесенным с немецких помоек. Немцы тогда на помойку могли выкинуть и почти новую мебель, и продукты аккуратно порезанные, не испорченные еще. Халява европейской социал-демократии в ее лучшие годы. Сейчас уже попроще, в экономике дела похуже стали, безработных много появилось. А тогда баба эта хорошо устроилась, – тащила с помоек хлам, кормилась за счет алкаша. Потом, как рассказывал отец, обставила себе хату будь здоров, из пособия для беженцев почти ничего не тратила. Из местечковых евреев была, откуда-то с черты оседлости.

Я в детский сад пошел тогда – детсад для детей беженцев, – прямо в бараках. Раскрашивали меня прикольно, фотки сохранились у мамы. Наряжали в костюмы в дни рейнского карнавала и раскрашивали. Короче, я, сын перестро-

ечного спекулянта, дочь албанского оборванца и сын иранского политического – мы в карнавальных костюмах рейнских. Праздник. Не «иранского», а «персидского». Иранские беженцы тогда говорили, типа, мы персы, мы не иранцы. Бежали от аятоллы, – иранцы персов не любят. А мы, персы, сторонники старого персидского строя. А я вот евреем был. Батя меня научил – если посторонние спросят в бараке: «Кто ты?», говори: «Я еврей». Я говорил. Когда мать решила уехать от персов обратно в Москву, я все еще им оставался. Любимая история бабушки: выхожу я во двор на Анадырском, кто-то спрашивает: «Кто ты мальчик, откуда?» Не знаю, по какому поводу, и как прозвучал точно вопрос. «Я еврей», – сказал я. Бабушка залилась хохотом.

* * *

Пошел в первый класс в Москве, в школу у метро «Отрадное». Во второй. В третий. С мамой отпраздновали мое десятилетие уже на Ленинском проспекте, окна на площадь Гагарина. Я вспоминал свои эмоции впоследствии – как счастливый сон наяву. Я помню, что было счастливое детство в Москве. Шарик, а внутри пестрая жвачка, мы протыкали шарики иголкой, доставали трофеи. Гуляли с мамой в Нескучном саду, катались на санках, скакали по оврагам. Я смотрел на одноклассницу, отличницу (лучшую в классе после меня). Я читал стихи Есенина на школьном конкурсе,

занял третье место, а участвовали все классы вплоть до десятого – я был в третьем. Рынок напротив Гагарина-титана, там несметное количество картриджей «Денди» (дух захватывает!), я их собирал, как и все мои друзья. Мама покупала мне «Лего» в ГУМе, мы ехали потом обратно на метро, и я не мог дождаться, когда начну играть в конструктор дома, на ковре в зале. Какое-то соревнование тогда было недалеко от метро «Октябрьская» – кто быстрее построит замок из заветных кубиков «Лего». Я очень хотел участвовать. Наверное, я был один из самых счастливых детей России. Вскоре – у бабушки на Анадырском: Света, весна. Лето, первые сигареты, поцелуи.

* * *

Затем февраль девяносто седьмого – приезд в Дюссельдорф. Это шок – я уже в осознанном возрасте – после шумного, вечно живого Ленинского проспекта: словно попал в *задник*, в «декорацию на заднем плане сцены». Во вторичную, пустую деревню. Я не понимал, куда деваются люди, чем они занимаются, почему после десяти вечера за окном ни души? Лишь малюсенькие игрушечные домики в квартале приятеля отца. Я ходил по улицам в разное время, но и днем как минимум раз в десять меньше людей, чем в недавней Москве. «Это всё мираж, – плыли мысли, – этого ничего нет, это какие-то кинодекорации, муляж. На самом де-

ле здесь не живут люди, *люди* не могут жить *вот так!*» На-
всегда, на всю жизнь в память врезалось такси по ночной
Москве, в аэропорт, в феврале девяносто седьмого. По радио
играл какой-то русский рок, заунывный, как обычно. Про то,
что кто-то уезжает навсегда. В сердце защемило, закралось
предчувствие, что все изменится прямо сейчас, и не в луч-
шую сторону.

Я попал на другую планету. Чисто, правильно, вылизано.
Но не для людей. Это какая-то дешевая разводка, реклама по
ОРТ, где показывают персонажей, не имеющих никакого от-
ношения к реальности. Это кукольный театр с куклами вме-
сто людей и сказочными декорациями. Но самих людей нет,
их не видно. После десяти вечера в редком огне горит свет.
Редкие куклы-роботы ходят по улицам, фальшиво улыбают-
ся, кто-то дергает за нити, и они тянут улыбу. Но ближе к де-
сяти исчезают и эти – спектакль окончен! Только я все еще
тут, меня закрыли в опустевшем театре, и я не могу выйти. Я
заперт посреди *задников* и не могу общаться с людьми. Нор-
мальными, знакомыми, родными. Чувствовал, что меня за-
носит. На чистую, но кривую дорожку. И перспективы пока
не видать.

* * *

– Петушки, чего расселися?

Щегол всегда задибался, рычал на гансов, то бишь корен-

ных (а не «русских») немцев, давал им смачных шлепков. На всех залупался стабильно. Хотя победителем всегда был Макс. В масштабных драках он эффективнее всех выключал гансов, турок с арабами. Мы сидели на перилах у гаражей, возле ровных белехоньких домов с цветами в придомовых садиках, вспоминали, наверное, что-то. Каждый свои эпизоды из недавней детской и подростковой жизни. Московской, Алма-Атинской, Кустанайской, Питерской. Макса выгнали из гимназии за то же, что и Хамона. Вырубил какого-то фрица в школе, который обзывал его «русской свиньей». Руссише швайне. Коренные немцы и их родители были в праве, а мы – так, дикари понаехавшие.

Олежку сразу загнали в «главную». Его родители не стали морочиться, по старинке не верили и не хотели обивать пороги власть имущих. А система была такая – если твои родичи не пойдут по городским комитетам доказывать, что ребенок не дебил – нате, смотрите его аттестат, дневник, – то ребенка иностранцев автоматом зачисляли в низшую образовательную ступень. В Германии так: начальная школа, а потом, в зависимости от оценок, либо гимназия (как бы для самых умных), «реальная школа» – это середняк, и последняя стадия – «главная». А гордо звучит, слушай! *Главная!* В общем, если родители твои ни «бэ» ни «мэ» и бегать по чиновничьим кабинетам не стали, то тебя определяют к двоечникам, будешь за «главного». Мигрантских детей школьного возраста с ходу туда определяли.

Я к тринадцати годам стал таким лохом. Забитым, плакучим. Думал, что со мной? Отчего такой лишний? Рос, играл, искал дружбы со сверстниками. Но оказалось – что чурка. Так сказать, паразит на арийском теле. Коренные сверстники меня не принимали, и вскоре я стал платить им той же монетой. Я не нравился никому: не говорил по-немецки, был чуждо одет, с дебильной причей, как с фотографий защитников и противников Белого дома в девяносто третьем. Периодически слыша за своей спиной «Scheiße-Russe». Но прошла пара лет, одеваться и выглядеть я стал так же, как немецкие сверстники – тем больше грязи накопилось внутри.

Вы думаете, я приезжее быдло? Пусть так. Да будет так.

* * *

Сергей пришел в своем стандартном пуховике, черно-белом. Немного стеснительный, но с крутыми братьями, как мне сразу сообщили. «Крыша». Старшие Сергея всех крошат. «Зульцбахские». На улице, где они зависали, в сквере недалеко от нотвонунга, куда большинство из них поселили по прибытии в Германию. Парни были крутого нрава, мы смотрели на них как на криминальных богов из свирепых гангстерских фильмов. Они приехали в Германию будучи подростками, многие уже курили, уже пили, уже пробовали девочек – там, в Союзе. Дворовые компании целиком переселялись в Дюссельдорф. Собирались стаями, кучами, «ки-

дали лохов», находя их, как правило, среди своих же русаков. Если же попадался чуждый элемент – немец коренной, ту-рок, – такого разбирали нещадно. Конечно, мы их уважали. В первую очередь именно за то, что их боялись местные, коренные. Обходили их дугой. Да что, даже дюссельские менты с ними не справлялись. Не привыкшие к делам второго и третьего миров, сытые немецкие полицаи имели дело в лучшем случае с обдолбышами-наркоманами у главного вокзала, неспособными даже стоять ровно, не то чтобы устроить кипиш. У вокзала собирались героинщики Дюссельдорфа. Так, видимо, повелось задолго до нашего прибытия в Дойчеланд.

Старший с погонялом «Белый» как-то вломил менту и пустился через поле. Полицаи его так и не догнали, – легендарная история в наших русскоязычных тинейджерских кругах. «Казах», тоже «зульцбахский», через два года сторчался на героине, и мы начали его всё чаще встречать у того же главвокзала. «Дидя» (вспомнить бы, почему «Дидя», наверное, фамилию носил Диттрих или подобную). Славный Дидя из какого-нибудь древнего швабского рода, насильно переселенного Сталиным из «Автономной Советской Республики Немцев Поволжья» в пустынные казахские степи. В этих степях немецкие традиции в большинстве семей начали погибать, из немцев все превращались в *homo soveticus*, или обычных русскоязычных жителей Казахской ССР. Дидя наколот себе на пальцы три буквы – СЭР, еще до того, как его

первый раз посадили за кражу. Свобода – это рай.

Старшие гуляли еще более заманчиво, чем мы. Каждая совместная с ними пьянка запоминалась особенно. Киногерои, да, «Брат-2», прямо по фильму, который пересматривал по многу раз уже здесь, в Германии. После двух лет одиночества в немецкой гимназии, в роли пятого колеса. Прийти в пятницу вечером на место, чтобы увидеть, например, в дюссельдорфском тихом ухоженном парке пятьдесят-шестьдесят отморозков в кожаных куртках и спорткостюмах, подвыпивших. Это была эйфория, экстаз. Мы вам покажем, суки. Мы вам всем еще покажем.

Мы идем бандой по старому Дюссельдорфу, человек пятьдесят нас, из разных нотвонунгов города. Страшные, блядь. В самый разгар выходного веселья. Местные вокруг пытаются хохлиться, типа, мы у себя дома, нам бояться нечего. Но видно, что ссут, особенно молодые. Смотрят в асфальт или, наоборот, сверкают дерзким глазком, чтобы затем быстро отвернуться. Один такой мимо проходил, сверкнул, Щегол лишил его кепки.

– Парни, я чех, славянин, отдайте бейсболку.

Ступай отсюда, чех, славянин. Таких «чехов» деланных... Каждый второй вдруг вспоминает о своих польско-чешских корнях, если жареным пахнет. А там, где не пахнет, вы арийцы, хозяева. Позволь и нам почувствовать свое маленькое превосходство. В виде твоей сраной, никому не упершейся кепки. Тебе жалко, чех?

Мы ждали еще одного. Назира, афганца. Назир два года проработал на московском рынке, там научился вполне говорить по-русски. Нашел русскую девушку, которая, как говорил, была готова выйти за него замуж. Ведь менты, когда его останавливали без документов, всегда получали на лапу. Эти истории завораживали. Немецкому «полицейсту» не то что на лапу. Этот правильный парень держался так, будто любое, самое малое нарушение для него невозможно. Polizei не может нарушить свой устав ни на шаг, а мы не можем даже отлить без штрафа, ни на шаг. Недавно нас такой «зеленый» (по цвету их формы) как раз и поймал в кустах, мы молчались. Сказал, что мы *не должны* вести себя *так*, отливаем в приличном (читай, любом) месте, *в новых обстоятельствах* мы должны научиться вести себя *ци-ви-ли-зо-ван-но*. Ариец, одним словом. У него все правильно, а у нас, чурок, все *не так*.

Возможно, Назир устал платить дань коррумпированным российским блюстителям или, что вероятнее, он так же, как мои родители, свято верил в благополучный Запад. Он сумел накопить в Москве две тысячи долларов, чтобы заплатить провозчикам нелегальных тел. Назира утрамбовали вместе с каким-то грузом, древесиной или бумагой, в грузовик, следующий по маршруту Москва – Лондон. Афганская община

британской столицы должна была встретить груз, чтобы извлечь Назира из коробки вместе с бумагой. Но Назир устал торчать в темноте, решил вылезти из грузовика купить сигарет, чтобы быстро залезть обратно. Но не получилось. Его остановили немецкие правильные менты. Кто, откуда? «Я бежавший из Индии от погромов, притесняемый в Индии мусульманин», – сообразил Назир и подал прошение на получение статуса беженца. Сказать, что он на самом деле собирался в грузовике в Британию, уже не мог.

Вот так Назир, сброд, нелегальный мигрант из Москвы, оказался в нашей компании. Ему уже двадцать лет, он старше нас. Такой же маргинал, чурка, как и мы. Мы гордимся им, настоящим отморозком, кравшим замки в строймаркетах, чтобы подзаработать на жизнь. Ведь официально работать соискателям статуса беженца нельзя. Группа марокканцев, посылавшая его на мелкие кражи, брала в расчет, что его могут поймать, да им это было неважно. В общем-то, его и ловили постоянно. Назир рассказал, что у него «натикало» уже 250 социальных часов, которые он должен отработать в качестве осужденного. *Заместо* времени в камере. Однако Назир не парился на этот счет, благо терять ему было нечего. Только статус соискателя беженца.

Вроде бы он и не рассчитывает остаться. Так, развлекается. Хотя, может, просто дебил.

Я не читал Пушкина. И не читал Тургенева – их не проходят в немецкой школе, а в начальной московской еще рано было. Свою русскость я черпаю из других источников; вместо Пушкина у меня водка, водка «Puschkin». В Германии все дешевые водки местного производства почему-то называют русскими фамилиями. Puschkin, Rachmaninoff, Gorbatschow. Произведено в Германии, блевота, какую поискать.

Вместо стихов Фета наизусть у меня мат. *Заместо* «Серебряного века» – «Красная плесень», а *заместо* Лермонтова – Данила Багров. Я его знаю. Мне говорят, что я russisches schwein, а я не читал русскую классику, не прочел еще, к шестнадцати годам. Мне говорят немцы про водку, они знают, что в России много бухают. Я это тоже знаю, помню по Москве. Поэтому я много пью, чтобы соответствовать их и своим представлениям. Я хочу быть русским. А Пушкина потом прочту. Наверное. Puschkin ведь уже изучаю.

А вообще мне ближе американский рэп и немецкий гангста-рэпер Bushido, даром что наполовину араб. Мы тут, как я уже говорил, все чурки. Да, с арабами и турками мы чаще деремся, но «бэкграунд» у нас, можно сказать, единый. Нахлобучим бюргеров в темном углу, например. В отместку за их язвительные комментарии в нашу сторону, сбросить оби-

ду. А почему нет. А потом нахлобучим друг друга, русак на русака, «нотвонунг» на «нотвонунг».

Один раз Анатолия встретили, он старшак. Анатолий вышел погулять из тюрьмы неподалеку от нашего места встреч. Его осудили за кражу или разбой, в общем, что-то такое. На выходных и по праздникам он сидел, полгода ему дали. А на буднях работал электриком, его отпускали на волю, в Германии можно. Толик шутил, хвастался, что гансов в тюрьме за лохов держат, русаки и марокканцы дают жару. Я не сомневался. Анатолий с водкой Gorbatschow был, угостил.

Komm lass quatschen, was willst du machen?
Sonny, ich hab immer weiße Steine in den Taschen
Geh, mach dein Business, Rap, es ist Fitness
Ich schick dich Keck in den Sarg, weil du Shit bist
Jetzt ist Party, nimm mich beim Wort
Ich ficke deine Mutter, dein' Rap und dein Dorf

Да, в сущности, отличный текст, Bushido. «Я вы*бу твою мать, твой рэп и твою деревню». Это *заместо* Тургенева.

* * *

В тринадцать лет, в те два года между Москвой и русаками в Дюссельдорфе – я хотел быть негром. Я выпрашивал у мамы деньги на самые гарлемские наряды, которые только можно было достать на западе Германии, например, джин-

совый костюм, на два размера больше, джинсы в буквах. И платок, как у Тупака повязанный. Ходил так по городу, побаивался, честно говоря, что отхвачу от проходящего турка или настоящего афронемца. Но ходил. В конце концов, с коренными меня связывало еще меньше. Ведь это они, дети коренных бургеров, шептали мне вслед гадости в школе, они пытались выставить меня вором перед одноклассниками и учителями. Поэтому я хотел быть негром, я им завидовал. Их брутальности, жесткости в клипах на MTV. Нет, они бы не позволили своим белым сверстникам над собой так издеваться.

Купил себе все альбомы от Wu-Tang Clan, Nas, Master P.

* * *

Еще блатняк мы слушаем, Сергея Наговицына. Мы с отцом, когда я еще жил в Москве, и сейчас – каждое лето ездим на машине на Урал. Умёт в Мордовии, возможно, кто знает. Там, где «МордДональдс», где харчевни «У Маши», «У Кати», «У Василисы», и так далее. Каждый год мы ездили. И отец мой любил включать блатняк, Славу Медяника, Петлюру, и вот Сергея Наговицына. Песни последнего мне особенно запомнились, и я как-то, в пятнадцать лет, привез его кассету в Дюссельдорф, к пацанам. Мы начали увлекаться.

Я с пеленок знал понятия в делах

И с ворами я законными дружил.
Меня мама на этапе родила,
Когда батю в хате опер уложил.

Вот это русский гангста-рэп. Даже Bushido нервно шмалит в углу. Где он, а где – Наговицын? Бушидо, как и все тут, – чуть разбогатеет, бабло появится, забудет весь свой «гангста» и свой «гетто» – и растворится в глянцевах сводках телеканала RTL, Promi Nachrichten, «новости про звезды и звездочек». Станет таким, типа, уважаемым членом капиталистического общества. А Наговицын, разве он предаст понятия свои? Наговицын – это всегда ghetto, это true до конца. Так он и прожил, и умер, не опопсев. Вот это мы уважаем.

* * *

Макс подошел, можно выдвигаться. Можно к Люде опять, в рот ей надавать. Только чего-нибудь сладенького взять заранее, для нее. Не, отстой. Опять не пустит ведь, пацаны. Вы забыли, что ли, как Борис ей под дверь нагадил в прошлый раз?

Борис из Санкт-Петербурга, он немного другой породы парень. Из еврейской миграции, тогда как все остальные – русские немцы. Этнические евреев не любили, тоже били их постоянно. Помню, как Борис своего друга привел, еврейчика такого явного. Щегол почуял кровь. Помню, вторник

был, да такое не забудешь. Ничего, веселый был день. Мы пришвартовались к какому-то кружку «молодых христиан». Церковь у нас в квартале, и старый пастор-евангелик нас, похоже, жалел не по-детски, нам даже свой гараж для зависалова предоставлял. Типа, дети уродов. Они же не виноваты, что оно так. Что дети варваров из черной дыры бывшего эсэсэр.

И вот там кружок христиан был, неподалеку как раз от гаража этого. То есть в буквальном смысле какие-то мудаки, гансы в круг сели и что-то про свои трудности какому-то молодому наставнику затирали. «Мне так трудно». Да ты упал, кретин? Трудно тебе. Ты из дома этого частного вон напротив, я тебя что, не видел, что ли, тут? Какие у тебя трудности, немчик? Что тебе вместо двухсот дойчмарок – 180 дают карманными? Или что к тебе в гимназический класс очередного чурку вроде кого-нибудь из нас перевели? Некомфортно, скажи, с чужаками. Появилась проблемка.

Короче, мы решили от нечего делать присоединиться к этому празднику жизни. И еврейчик тот от Бориса, типа, с нами. Посидели, послушали бакланов. И Щегол такой шепчет еврею:

– Покажи хуй. Покажи, тебе что, жалко?

Давил на то, что у нас крутая туса. Ну да, с нами так-то все хотели зависеть, нас боялись. Зацени, говорит, обрезанный или нет.

– Что, прямо здесь?

– А почему нет? Реально смело будет, нетривиально. Тогда с нами будешь по-любому.

Мы покатывались от смеха, да и, честно сказать, Борис тоже. Мы-то знали, что Щегол его на понт берет. Если реально свой член покажет, то всё, пропнём моментально. Впрочем, и так уже пропнём, видно, что парень прямо, бедняга, в сомнения впал. Показать или нет. Может, стоит того? Улёт!

Христиане начинают коситься, мы всё громче про себя разговариваем. А это действие прямо на улице разворачивается. Возле какого-то, ну, культурного центра при церкви. То есть прогнать вроде тоже не по-христиански, тем более, на улице мы. Да и терпеть нас боле нет мочи. Мы-то нарочно испытываем их на стойкость. Всё громче разговариваем, вот уже Щегол почти орет:

– Покажи хер, бля, покажи! Ты чо, не с нами? Это «проверка» такая на вступление к нам, ты что, не знаешь эту тему?!

А парень, бедный, вроде и жалко его. Но, сука, смешно. Живот лопается! Он говорит:

– Да не обрезанный я, пацаны, реально. Ну...

– Чо «ну»?! Сука!! Чо «ну»?!

– Покажу, мужики, давайте только отсюда выйдем, а то на нас косятся уже.

Вроде и сборщик кружка заметил, что мы над чуваком глумимся. Начал звать нас к соблюдению порядка. Щегол и вызвался:

– У меня проблема, пастор. Ich habe ein Problem. Я думаю, что вот он еврей, а он не признается. Я ему говорю – покажи свой член, Junge.

Ну всё, тут мы просто выпали. Мы ползали от смеха по этому бетону, на котором сидели в кружке. Угорали! Наставник-христианин заорал:

– Вон отсюда! Это невысказуемо!

Но нам какая разница? Мы ушли.

Бедолага-еврейчик подрагивал, ему было, видно, совсем худо. Борис уже тоже насупился, типа, что за ад вы творите. А будто ты его не творишь. Постоянно.

Борис – парень лихой, но с комплексами. Докажу, дескать, вам, что свой, тем, что буду святее папы Римского. Буду такой разгром творить, что вы сами выпадете в осадок. Все шутили про «жидов» постоянно, вроде как Борис и конфузился, а вроде как и угорал со всеми. «Я только на четверть жид». Борис срал под дверь Люде, Борис гасил первых встречных гансов «с вертушки». Мимо какой-нибудь проходит, а Борух, как мы его за глаза звали, ему пяткой в челюсть. За спасибо. Отчаянный.

А бедолага в тот вечер свой член таки достал. Мы уже почти не могли больше угорать.

Можно к Армяну выдвинуться поиграть в игры, родаков нет у него. Хотя шляпа. Сергей достает пивко. Вот это ближе к делу, нормуль.

Сергей забивает, из Blättchen. Замену этому слову на русском мы не знаем, Blättchen они и в Африке. Это, в общем, такие длинные тонкие листки бумаги под косяки. В Германии хоть и не лигалайз, но такие штуки в каждом киоске продают. Все же понимают, что Голландия отсюда в нескольких десятках километров, а границы открыты. Тоже не дураки навариться на товаре.

Сергуня умело забивает, конкретно руку набил. Изящно получается, иначе не скажешь. Убились с его подгона. На «ха-ха» пробило. «Едет старый казах на ишаке, упал. Старый стал, говорит, говно стал. Да, впрочем, и молодой был – говно был». Есть у нас один Казах, позавчера его встретил в электричке – «эсбане». Не решился к нему подойти, Казах был обколотый в кончину.

Давайте сходим за сушняком, горло засохло уже. Как раз пройдем мимо той степи, где Штефан со своими друзьями тусует. Может, подеремся. Штефан – это тот обсосок, которого на самом деле зовут Сергей, из Караганды он. Как он сказал нам однажды при встрече: «Больше не зовите меня Сергей, я – Штефан». Я, говорит, затусил с дюссельскими ультраправыми фанатами-хулиганами. С хулиганами самой позорной команды на свете. «Фортуна Дюссельдорф». Тусить с фанатами Гитлера с именем Сергей неудобно, и Серё-

жа решил стать Штефаном. Естественно, став бесконечным ходячим призывом надавать ему и его гитлеровским хулиганам по роже. Пропнуть Серёжку-Адольфа – святое дело, еще лучше, чем над евреями постебаться.

Итак, где ты, наш юный фюрер? Опять фрицам поддакиваешь сидишь, когда они про геноцид шутят? Ну так мы тоже это, вполне себе про геноцид. Тоже какбэ не самая милая и приветливая нация. И мы идем. Русские идут. Сейчас второй косяк только докурим.

* * *

– Вон нацики, пацаны.

– Я одного только вижу.

И вправду, один. Штефана не видать, ну и этот подойдет.

– Зиг хайль, майн фюрер.

Чел сконфузился, понял, что мы не просто так к нему, мило пообщаться. Бодрится.

– Sergej, я же тебя знаю, знаю, в какую школу ты ходишь. Идите дальше, Freunde.

Армян с ходу заряжает ему по физиономии. Тот орать давай на всю улицу, пытается кого-то ударить, ему подножку, оперативно попинали лежащего, слегонца так. Быстро, пару десятков секунд, и побежали, чтобы менты не забрали.

Купили сушняк, стоим на мостике через речку Дюссель, уже стемнело. Забиваем еще одну самокрутку, смеемся. Тут

нам прямо в лицо фонарик. Пацаны успели через кусты, а нас с Максом так на мостике и приняли. Только что траву успели в говнотечку скинуть. Заломали руки, на капот положили, наручники. Будто мы самые опасные преступники на районе. Подростки по пятнадцать лет. Повезли в участок. Останетесь, говорят, до утра, утром вас родители заберут. Хана. Переглядываемся с Максом, мигом трава отпустила, главное, чтобы мусора не спалили, что шары красные у нас. Вот тебе и «фюрер»-нацист. Ментам настучал как самый обычный немецкий стукач. Гансы всегда чуть что своих полицаев зовут, все тихо-анонимно, без предупреждения. Чуть музыку громче сделал после десяти вечера – все, полицаи тут как тут. И не узнаешь никогда, кто их вызвал. Фрау слева, или Херр сверху.

В участке нас познакомили с обвинением, мы подумали, что все-таки не отпустило. «Группа молодых людей, иностранцы, напали на меня без объяснений во столько-то, там-то. Очень сильно били, но мне, имеющему черный пояс по карате, удалось отразить наиболее существенные удары. Серьезных ушибов не осталось». И Anzeige, т. е. заявление за сильное избиение. Еще грабеж приплел, мол, ограбить пытались, но крутой нацистский каратист не дался. На полном серьезе. То ли перед полицаями своими хотел себя крутым выставить, то ли просто debil-сказочник. Улёт. «Что вы, – менты говорят, – на это скажете, Herr Smirnow?» Я могу только сказать, что это бред сивой кобылы, господи. Мне пятна-

дцать лет, посмотрите на меня. А ему сколько, девятнадцать? Двадцать? И я ему ребра сломал, да он все удары отбил? В карман ему залез, да он меня за лапу – хватать? Даже полицей ухмыльнулся. А за что меня судить тогда, социальные часы присуждать? За то, что нацик – каратист такой чудесный? Мне полегчало, понял, что пронесло.

За Максом приехали часов в пять утра, за мной – мама – чуть попозже, наверное, в шесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.